

ЮРИДИЧЕСКИЙ ФАКТ

научный юридический журнал

Публикации для студентов, молодых ученых и научно-преподавательского состава на www.ur-fakt.ru

ISSN 2500-1140 Издательский дом "Плутон" www.idpluton.ru

Выпуск №50

КЕМЕРОВО 2019

06 мая 2019

ББК Ч 214(2Рос-4Ке)73я431

ISSN 2500-1140

УДК 378.001

Кемерово

Журнал выпускается ежемесячно, публикует статьи по юридическим наукам. Подробнее на www.ur-fakt.ru

За точность приведенных сведений и содержание данных, не подлежащих открытой публикации, несут ответственность авторы.

Редкол.: Никитин Павел Игоревич - главный редактор, ответственный за выпуск журнала.

Александр Вячеславович Руднев - практикующий юрист, ответственный за первичную модерацию, редактирование и рецензирование статей.

Матвеева Яна Максимовна - кандидат юридических наук, ФГБОУ ВО «Санкт-Петербургский государственный университет»

Гревцов Юрий Иванович - доктор юридических наук, профессор кафедры теории и истории государства и права юридического факультета ФГБОУ ВО «Санкт-Петербургский государственный университет»

Калашникова Елена Борисовна - кандидат исторических наук, доцент кафедры теории и философии права Института права Самарского государственного экономического университета

Александрова Жанна Павловна - кандидат социологических наук, доцент кафедры рыночных и государственных институтов Кубанского государственного технологического университета

Мальцагов Иса Даудович - кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовного процесса и криминалистики; ФГБОУ ВО «Чеченский государственный университет»

Кузин Валерий Николаевич - кандидат юридических наук, доцент РАНХиГС, Поволжский институт управления имени П.А. Столыпина

Казанчян Лилит Арменовна - кандидат юридических наук, докторант Института философии, социологии и права НАН РА. Преподаватель кафедры Юриспруденции Международного научно-образовательного центра НАН РА, член Палаты адвокатов Республики Армения

Дзуцева Диана Муссаевна - кандидат юридических наук, доцент кафедры гражданского права и процесса ФГБОУ ВО Северо-Кавказский горно-металлургический институт

Тастекеев Кайрат Кулбаевич - кандидат юридических наук, профессор КазГЮИУ (Казахский гуманитарно-юридический инновационный университет)

Сейтхожин Булат Умержанович - кандидат юридических наук, доцент, старший научный сотрудник лаборатории юридических исследований НИИ экономических и правовых исследований Карагандинского экономического университета Казпотребсоюза.

Мусаева Асма Гаджиевна - кандидат исторических наук ФГБОУ ВО «ДГУНХ»

Шахбанова Юлия Алибековна - кандидат юридических наук, доцент кафедры гражданского права и процесса Московского государственного гуманитарно-экономического университета.

Исмаилов Атахожа Айдарович - кандидат юридических наук, Южно-Казахстанский государственный университет имени М. Ауезова, факультет Юриспруденции и международных отношений.

А.О. Сергеева (ответственный администратор)[и др.];

Научный юридический журнал «Юридический факт», входящий в состав «Издательского дома «Плутон», был создан с целью популяризации юридических наук. Мы рады приветствовать студентов, аспирантов, преподавателей и научных сотрудников. Надеемся подарить Вам множество полезной информации, вдохновить на новые научные исследования.

Издательский дом «Плутон» www.idpluton.ru e-mail:admin@idpluton.ru

Подписано в печать 06.05.2019 г. Формат 14,8×21 1/4. | Усл. печ. л. 6.2. | Тираж 300.

Все статьи проходят рецензирование (экспертную оценку).

Точка зрения редакции не всегда совпадает с точкой зрения авторов публикуемых статей.

Авторы статей несут полную ответственность за содержание статей и за сам факт их публикации.

Редакция не несет ответственности перед авторами и/или третьими лицами и организациями за возможный ущерб, вызванный публикацией статьи. При использовании и заимствовании материалов ссылка обязательна.

Содержание

1. ИНСТИТУТ ГРАЖДАНСТВА В РФ. СУЩНОСТЬ, ЗНАЧЕНИЕ И ПРОБЛЕМЫ.....	3
Сатубалов М.И.	
2. МОДЕРНИЗАЦИЯ ИЗ ПЕРСПЕКТИВА РАЗВИТИЯ СЕВЕРНОГО КАВКАЗА.....	7
Сатубалов М.И.	
3. ВЗГЛЯДЫ Н. А. СТРУЧКОВА НА ПЕНИТЕНЦИАРНУЮ БЕЗОПАСНОСТЬ ПО СОВЕТСКОМУ ИСПРАВИТЕЛЬНО-ТРУДОВОМУ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВУ 1969-1971 ГГ.....	12
Федосеев В.И.	
4. ПРОБЛЕМЫ ОПРЕДЕЛЕНИЯ СУВЕРЕНИТЕТА В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ.....	17
Нуриахметов Э.З.	
5. ПРОБЛЕМЫ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ РАЙОННЫХ СУДОВ.....	21
Гурова Е.А.	
6. ПРАВОВЫЕ ПРОБЛЕМЫ ЗАКЛЮЧЕНИЯ И ИСПОЛНЕНИЯ СМАРТ-КОНТРАКТОВ.....	24
Юламанова А.А.	
7. ПРАВОВАЯ ПРИРОДА ДЕЯТЕЛЬНОСТИ СУДЕБНЫХ ПРИСТАВОВ ИСПОЛНИТЕЛЕЙ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ.....	29
Магомедов М.Р.	

Сатубалов Муслим Ибрагимович
Satybalov Muslim Ibrahimovic
Студент 4 курса «Юриспруденция»
Дагестанский государственный университет

УДК 342.71

ИНСТИТУТ ГРАЖДАНСТВА В РФ. СУЩНОСТЬ, ЗНАЧЕНИЕ И ПРОБЛЕМЫ
THE INSTITUTION OF CITIZENSHIP IN THE RUSSIAN FEDERATION. NATURE,
IMPORTANCE AND PROBLEMS

Аннотация: Статья посвящена определению сущности и значения гражданства. Автором рассмотрены различные научные позиции об определении понятия гражданства, а также проанализированы особенности гражданства как одного из видов правонарушения – правового состояния лица в гражданстве.

Abstract: The Article is devoted to the definition of the essence and meaning of citizenship. The author considers various scientific positions on the definition of the concept of citizenship, and also analyzes the features of citizenship as one of the types of legal relationship – the legal status of a person in citizenship.

Ключевые слова: гражданство, правоотношение, приобретение и прекращение гражданства Российской Федерации.

Keyword: Citizenship, relations governed by law, being admitted to the RF citizenship, deprivation of the RF citizenship.

Правовая связь человека с государством имеет особое значение. Только являясь гражданином определенного государства, человек обладает всей полнотой прав и свобод, в том числе правом участвовать в политической жизни государства, избирать и быть избранным в органы государственной власти и органы местного самоуправления, что является определяющим фактором для государств, позиционирующих себя как демократические.

Немаловажное значение имеет свобода человека в перемещении и выборе места жительства не только в пределах страны гражданской принадлежности, но и всего земного шара. По официальным данным Федеральной службы государственной статистики, только за 2010 г. из Российской Федерации выбыло 33 578 человек, из которых 12 372 мигрировали в страны дальнего зарубежья: в Германию - 3 725 человек, Израиль - 947, Канаду - 497, США - 1 461. Число прибывших в Российскую Федерацию из стран дальнего зарубежья в 2010 г. составило 19 716 человек.

В силу постоянно усиливающихся миграционных процессов каждое демократическое государство заинтересовано в создании качественной правовой базы, регулирующей вопросы гражданства. В действующем законодательстве Российской Федерации о гражданстве до настоящего времени отсутствует логичная и стройная система упорядочения отношений в этой сфере. Как следствие, недостаток построения нормативной базы ведет к проблемам реализации норм, что затрудняет достижение целей государственной политики и отрицательно сказывается на других сферах жизни.

В силу сложности и неоднозначности объекта исследования в юридической науке существует значительный разброс мнений, идей и рекомендаций по улучшению законодательства о гражданстве. Прежде всего, одной из самых дискуссионных является проблема определения понятия гражданства. Проанализировав труды ученых в этой сфере на разных этапах, можно выделить некоторую эволюцию мнений относительно определения такого многогранного явления, как гражданство.

В советский период большинство ученых-теоретиков определяли гражданство как принадлежность человека к определенному государству. Например, А. А. Головкин рассматривал гражданство как «вхождение человека в состав государства»². Недостатком такого подхода является односторонность и неполная характеристика рассматриваемого явления. Определение гражданства через принадлежность к государству рассматривает гражданина только как составную часть государства и не учитывает характер взаимоотношений между гражданином и государством,

который отличается сложностью, двусторонностью и выражается во взаимных правах и обязанностях.

Другим распространенным мнением о понятии гражданства, которое можно встретить и в настоящее время, является определение гражданства как элемента правового статуса личности. Правовым статусом в обществе принято считать положение человека в обществе и государстве, которое выражается через совокупность его прав и обязанностей. Данное определение гражданства также не выражает всей сущности этого явления, так как рассматривает его только с точки зрения совокупности прав и обязанностей гражданина какого-либо государства, которая отлична от совокупности прав и обязанностей, например, лица без гражданства. Правовой статус гражданина, скорее, можно рассматривать как результат вступления лица в гражданство и приобретения им всего комплекса прав и обязанностей. Например, В. С. Швецов указывал, что «гражданство характеризуется как правовая связь лица с государством, которая служит необходимым условием, предпосылкой для установления правового статуса гражданина».

Существовали и другие похожие мнения, в которых гражданство отождествлялось с правами и свободами человека. Некоторые специалисты считали, что гражданство является одним из субъективных прав человека. Так, в своем исследовании С. А. Авакьян указывал следующее: «Каждый человек имеет право на гражданство, что трактуется как возможность иметь гражданство, приобретать его либо выйти из гражданства». В данном случае гражданство рассматривается не как предпосылка к приобретению определенного правового статуса человека, а как следствие или результат реализации человеком своего права на гражданство.

Позже в науке одной из самых распространенных стала точка зрения об определении гражданства как устойчивой правовой связи человека и государства, которая выражается во взаимных правах и обязанностях⁵. Такое определение гражданства закреплено в Федеральном законе от 31 мая 2002 г. № 62-ФЗ «О гражданстве Российской Федерации»⁶. Понимание гражданства как правовой связи человека и государства наиболее полно раскрывает сущность этого явления по сравнению с вышеназванными подходами, так как выражает двустороннюю связь. В то же время правовая связь возможна не только между гражданином и государством его принадлежности, но и, например, между иностранным гражданином и государством, предоставившим ему политическое убежище. Поэтому такое определение также нуждается в некотором дополнении и уточнении.

В современном понимании многие специалисты сходятся во мнении, что гражданство является особым правоотношением, которое в науке именуют правовым состоянием. Правоотношение представляет собой урегулированное нормами права общественное отношение, участники которого являются носителями субъективных прав и обязанностей. Отношение правового состояния отличается тем, что субъекты отношения четко определены, однако содержание взаимных прав и обязанностей, как правило, конкретно не определено, оно выводится из большого массива действующих конституционно-правовых норм.

Как и любое правоотношение, отношение состояния лица в гражданстве определенного государства подпадает под правовое регулирование и состоит из четырех элементов: субъект, объект, содержание и юридический факт. Субъектами такого правоотношения выступают строго определенные лица: государство, с одной стороны, и гражданин этого государства - с другой. Именно через субъектный состав правоотношения определяется принадлежность гражданина к определенному государству, наличие которой не зависит от того, находится ли гражданин на территории страны своей гражданской принадлежности или нет. Сущность и значение правоотношения состояния лица в гражданстве выражается через его содержание, которое составляет совокупность взаимных прав и обязанностей гражданина и государства. Согласно п. 3 ст. 62 Конституции Российской Федерации (далее - Конституция РФ) иностранные граждане и лица без гражданства пользуются в Российской Федерации правами и несут обязанности наравне с гражданами Российской Федерации, кроме случаев, установленных федеральным законом или международным договором Российской Федерации. С момента приобретения гражданства лицо приобретает весь комплекс прав и обязанностей, который, помимо естественных прав, включает также и политические права, что дает возможность участвовать в делах государства. Основанием возникновения, изменения и прекращения любого правоотношения является юридический факт. Возникновение правового состояния лица в гражданстве РФ связано с его приобретением.

В действующем законодательстве определены четыре способа приобретения российского гражданства: по рождению, в результате приема в гражданство, в результате восстановления в

гражданстве и по иным основаниям, например, таким как оптация или приобретение гражданства детей при приобретении гражданства родителей. Самыми распространенными способами не только в Российской Федерации, но и в других странах являются приобретение гражданства по рождению и в результате приема (филиация и натурализация).

Юридический факт разграничивает отношения между гражданином и государством его принадлежности от иностранного гражданина, находящегося на территории другого государства. В первом правоотношении юридическим фактом возникновения правоотношения может выступать действие - предъявление заявления о приеме в гражданство либо событие - рождение ребенка. Такие отношения всегда документально оформляются: при вступлении в гражданство РФ - паспортом гражданина РФ, при рождении - паспортом гражданина РФ родителя, в который внесены сведения о ребенке.

Юридическим фактом возникновения правоотношения между иностранным гражданином и государством, на территории которого он находится, всегда является факт прибытия иностранного гражданина на территорию РФ. Такое действие в юридической науке именуют юридическим поступком, которое совершается лицом без цели породить определенные юридические последствия. Документальное оформление влияет лишь на законность нахождения иностранного гражданина на территории государства - иностранный гражданин может законно находиться на территории РФ только на основании визы, разрешения на временное проживание либо вида на жительство.

Основаниями прекращения гражданства РФ являются добровольный выход лица из гражданства, смерть гражданина либо иные основания. Следовательно, юридическим фактом, прекращающим отношение состояния лица в гражданстве, может быть как действие - подача гражданином РФ заявления о выходе из гражданства, так и событие - смерть гражданина. Согласно действующему законодательству проживание гражданина РФ за пределами страны не прекращает его гражданства РФ, поэтому выбытие гражданина из государства его принадлежности не прекращает отношений гражданства. При этом выбытие иностранного гражданина за пределы территории государства, где он временно находился, является фактом, прекращающим отношения между таким иностранным гражданином и государством.

Необходимо обратить внимание на то, что гражданство может быть прекращено только в результате волеизъявления гражданина. Государство не может быть инициатором прекращения отношения состояния лица в гражданстве, так как в Конституции РФ закреплен принцип, согласно которому гражданин РФ не может быть лишен своего гражданства или права изменить его. Вышеуказанное подтверждает обоснованность выделения в определении гражданства такого признака, как устойчивость, который отличает правоотношение состояния лица в гражданстве от иных отношений человека с государством. Именно устойчивый характер гражданства выражает его сущность как универсального правоотношения, не связанного границами государства гражданской принадлежности.

С учетом изложенного можно выделить основные отличительные признаки, характеризующие сущность гражданства как правового состояния:

- наличие правового отношения между гражданином и государством;
- содержанием правоотношения является совокупность прав и обязанностей как со стороны гражданина, так и со стороны государства;
- правоотношение всегда оформляется документально;
- имеет постоянный, непрерывный и устойчивый характер;
- не зависит от того, находится ли гражданин на территории государства своей гражданской принадлежности;
- может прекратиться только в результате волеизъявления гражданина либо по основаниям, не зависящим от сторон.

Неопределенность понятия гражданства не единственная проблема института гражданства в современной науке. Особое внимание уделяется таким проблемам, как двойное гражданство, реализация принципов гражданства, порядок приобретения и прекращения гражданства Российской Федерации и др.

Необходимость создания разумных правовых механизмов регулирования вопросов гражданства обусловлена тем, что институт гражданства оказывает влияние на многие аспекты государственного и общественного устройства, в том числе политическую, экономическую, социальную и демографическую обстановку в стране. Однако необходимо учитывать, что

совершенствование системы регулирования вопросов гражданства невозможно без уяснения и нормативного закрепления четкого и полного определения данного явления, которое раскрывало бы все его сущностные характеристики.

Библиографический список:

1. Головки А. А. Человек, личность, гражданин. Минск : Беларусь, 1982. С. 19.
2. Шевцов В. С. Гражданство в Советском союзном государстве. М. : Юрид. лит., 1969. С. 19.
3. Авакьян С. А. Российское гражданство: опыт и проблемы // Законодательство. 1997. № 5. С. 14.
4. См.: Кельбя И. И. Правовой институт гражданства Российской Федерации // Миграц. право. 2012. № 1. С. 11-13.
5. См.: Рос. газ. 2002. № 100.
6. См.: Бердникова К. Л. Гражданство в системе прав и свобод человека и институтов публичной власти // Совр. право. 2012. № 2. С. 25-32.

Сотубалов Муслим Ибрагимович
Satybalov Muslim Ibrahimovic
Студент 4 курса «Юриспруденция»
Дагестанский государственный университет

УДК 323

МОДЕРНИЗАЦИЯ И ПЕРСПЕКТИВА РАЗВИТИЯ СЕВЕРНОГО КАВКАЗА

MODERNIZATION AND FUTURE DEVELOPMENT OF THE NORTH CAUCASUS

Аннотация: Статья посвящена исследованию возможностей модернизации Северного Кавказа. Проанализированы основные сложности на пути интеграции данного региона в единое российское пространство. Показано, что нормализация сложной социально-экономической и политической обстановки на территории Северного Кавказа является необходимым условием продолжения модернизации России.

Abstract: The article is devoted to the study of abilities of modernization of Northern Caucasus. The main difficulties of integration of this region in the common Russian space, is analyzed. It is shown, that the normalization of complex socio-economic and political situation in territory of Northern Caucasus is necessary condition to continue the direction of modernization on the path to positive changes.

Ключевые слова: модернизация российской государственности, северный кавказ, социально-политическая напряженность, безработица, исламский факторы, интеграция, устойчивое развитие.

Keyword: modernization of Russian statehood, North Caucasus, socio-political tensions, unemployment, Islamic factor, integration, sustainable development.

В настоящее время российское общество продолжает переживать масштабную социальную трансформацию, представляющую собой сложный, неоднозначный и многомерный процесс. Технологическая модернизация страны и связанные с ней тенденции если еще не проявили себя с достаточной определенностью, то неизбежно дадут о себе знать в ближайшем будущем. Значимым здесь является вопрос о том, какое социальное влияние окажет проведение экономической политики, направленной на продвижение Российского государства по инновационному пути развития. Проводимые реформы федерального центра в условиях социально-экономического кризиса, общественной поляризации и социального регресса не всегда способствовали получению заданных результатов, а зачастую обостряли противоречия, усиливали политическую и социальную напряженность, способствовали массовому недовольству граждан и обострению конфликтов. Исследование многими авторами перспектив модернизации в современном обществе в условиях социально-политической напряженности за последние два десятилетия не утратило актуальности и сегодня. Все трудности современного периода особенно остро проявляются в регионах Российской Федерации, отличающихся высокой полиэтничностью. В этом отношении наиболее сложная ситуация сложилась на Юге России и, в частности, на Северном Кавказе.

Развитие региона в 90-е гг. XX в. сопровождалось возникновением угроз и вызовов национальной безопасности, т.к. данная территория включена в систему трансрегиональных этнополитических отношений, а происходящие здесь процессы продолжают оказывать значимое воздействие не только на региональную, но и на общероссийскую социально-политическую ситуацию. Развитие южнороссийского региона в постсоветский период характеризовалось этнизацией политического пространства Северного Кавказа и государственного аппарата республик, обострением борьбы религиозного традиционализма, фундаментализма и модернизационных процессов. Политико-идеологический и социально-экономический кризис в России, а также последовавшая за этим резкая актуализация конфликтогенного потенциала в регионе (прежде всего, чеченский кризис) усилили позиции сепаратистских сил [1].

Этнократия и этнический национализм стали источником силы региональных элит. На этот счет существует интересная точка зрения, согласно которой попытка властей обратиться за поддержкой к так называемым традиционным религиям - основе национальной идентичности - чревата угрозой еще большего раскола общества: во-первых, потому, что обращение к религии в многоконфессиональном обществе объективно раскалывает его, как и обращение к этническим

корням; во-вторых, из-за того, что религиозные ценности зачастую вступают в противоречие с ценностями модернизации, в области семейных отношений, науки, моды, литературы и т.д. [2, с. 59-64]. Процесс активизации ислама - явление, связанное непосредственно с теми изменениями, которые произошли и происходят в политической, экономической и духовной жизни современной России. Усиление исламского фактора в общественно-политической жизни модернизирующегося Российского государства, с одной стороны, выступает причиной сохранения этнокультурной идентичности, а с другой - служит важным обстоятельством в борьбе политических элит, повышении социальной мобильности. Апелляция различных субъектов политического процесса к радикальным идеям (ваххабизм) стало популярным и эффективным способом борьбы за возможность изменить то депрессивное, бюрократизированное и коррумпированное общество, в котором они живут. Вместе с тем, на наш взгляд, будущее Северного Кавказа и перспективы его модернизации во значительной мере будут зависеть от того, какое место и какая роль будут принадлежать традиционному северокавказскому исламу, также альтернативному исламу и исламистским идеологиям, стремящимся простроить иной, более несправедливый, с их точки зрения, асоциальный порядок.

Доминирование элит, жесткое управление политической сферой, манипуляции с партиями, семейственность во власти и бизнесе, неэффективное расходование бюджетных средств, бедность значительной части населения, снижение общественной активности и деполитизация общества, коррупция, криминализация общественных отношений, ухудшение качества образования и профессиональной подготовки - все эти социально-политические процессы имеют место не только на Северном Кавказе, но и совпадают с общей ситуацией в стране. На основании этого было бы неправильным отрицать возможность встраивания Северного Кавказа в общероссийский модернизационный процесс и тем более поощрять там традиционализм как иллюзорную основу стабильности социальной системы.

Вместе с тем противоречия в обществе и их динамика проявляются в изменениях социальной напряженности - особого состояния общества, которое зачастую является результатом социального конфликта. Кризисы и стремительные преобразования условий жизни способствуют усилению социальной напряженности, создают предпосылки для возникновения массовых волнений и беспорядков. Если назревшие противоречия в обществе своевременно не выявляются, а конфликтные противоречия не разрешаются, но продолжают развиваться, происходит рост уровня социальной напряженности, сопровождающийся переходом от одной стадии ее развития к другой. Высокий потенциал напряженности на Северном Кавказе обусловлен продолжающимися негативными тенденциями как внутреннего, так и внешнего характера. В 90-х гг. XX в. произошло отчуждение населения северокавказских республик от проводимых неолиберальных реформ, т.к. по результатам их осуществления социум оказался в проигрышном для себя положении. Подавляющее большинство граждан ощущало свою отстраненность от событий, происходящих в стране, и осознавало невозможность на них влиять. Отсутствие четкой стратегии и последовательной политики в области социальных отношений со стороны государства неизбежно вводит общество, утрачивающее социально-политическое единство, в состояние ненависти и насилия как друг к другу, так и к власти.

Сегодня общественно-политическая обстановка характеризуется рядом выраженных негативных социальных тенденций. Неудовлетворенность качеством жизни ставит перед обществом вопросы о причинах происходящего и виновных в сложившейся ситуации.

В данном контексте следует привести распределение результатов исследования общественного мнения Левада-Центра, полученные в 2011 г. На вопрос: «Создание Северо-Кавказского федерального округа привело к улучшению обстановки в регионе?» - ответили: «Привело к улучшению обстановки» - 18 % респондентов; «Ничего не дало» - 49 %; «Привело к ухудшению обстановки в регионе» - 15 %; «Затруднились ответить» - 19 % [3].

Как видно из результатов исследования, доля респондентов, указывающих на бесперспективность создания нового округа, высока. Механизм осуществления решений, стоящих перед обществом, требует взаимодействия социума и власти, т.к. политика преобразования должна опираться на все социальные слои общества, а система властных (государственных) органов - быть подотчетной своим гражданам.

Управление развитием СКФО необходимо строить на решении двух основных задач: преодоления существующего отставания и затянувшегося депрессивного состояния; интенсивного встраивания в процессы экономической модернизации российской экономики.

Переход на инновационный путь развития диктует необходимость преобразования организационно-управленческих систем на всех уровнях - от государства до отдельной хозяйствующей единицы. В настоящее время существует необходимость в интеграции Кавказа в Российскую Федерацию, в намерении того, что было упущено за последние двадцать лет. Традиционно главным инициатором модернизации всесторонне сложных регионов считается государство. В России оно пытается выполнять эту роль путем разработок и попыток реализации больших инвестиционных проектов, направленных на создание рабочих мест в промышленности и в отдельных отраслях сектора услуг. Как известно, основные меры, способствующие модернизации на Северном Кавказе, состоят во принятии на федеральном уровне ряда программ, которые создают благоприятные условия для привлечения инвестиций в регион, направленные на снижение уровня напряженности и решение социально-экономических проблем. Сюда следует отнести, например, «Стратегию социально-экономического развития Северо-Кавказского федерального округа до 2025 года», федеральные целевые программы «Социально-экономическое развитие Чеченской Республики на 2008-2012 годы», «Социально-экономическое развитие Республики Ингушетия на 2010-2016 годы», «Юг России (2008-2013 годы)».

Активизация инвестиционной деятельности является одной из приоритетных целей разрабатываемых программ и направлена на открытие предприятий по наиболее конкурентоспособным отраслям, обеспечение эффективной занятости и социальную ориентацию регионального хозяйства.

Анализ инвестиционных потоков крупных бизнес-структур показывает их ориентацию на поддержку рентаориентируемых ресурсных отраслей, прежде всего, в сырьевом и транспортном комплексе, туристско-рекреационной отрасли. Собственные же источники инвестирования для модернизации и инновационных процессов из прибыли предприятий республик очень ограничены. Республиканским органам управления, не имеющим реальных рычагов влияния на ход реформ, обладающим слабым представлением о моделях перехода к рынку и ориентирующимся зачастую на поведение местных политических элит, приходится действовать лишь в режиме «быстрого реагирования» и «выбивания» у центра исключительных льгот по налогообложению, кредитованию, бюджету, распределению квот и лицензий. Налицо структурный кризис российской государственной политики на Кавказе. Контроль территориальных автономий клановыми структурами власти, патриархальный уклад, а также клановая политика, проводимая ими, направлена на поддержку своих земляков, на недопущение никого другого ни к бизнесу, ни к местному самоуправлению, что в итоге оставляет мало места честной конкуренции, негативно сказывается на социальном развитии, сковывает деловую жизнь региона.

Среди потенциальных рисков проблема устойчивого дисбаланса на рынке труда является одной из ключевых в регионе, т.к. провоцирует рост социальной напряженности, которая в свою очередь ведет к межнациональной напряженности, распространению экстремистских настроений. Согласно данным мониторинга кризиса и посткризисного развития регионов России, в 2011 г. в проблемных республиках Северного Кавказа, кроме Чечни и Ингушетии, уровень безработицы снизился до 7-12 %, а высокие показатели зарегистрированной безработицы в Чечне (38 %) и Ингушетии (20 %) продолжают выступать аргументом для получения руководством этих республик дополнительных федеральных трансфертов [4].

Во втором томе Атласа социально-политических проблем, угроз и рисков Юга России, опубликованного Южным научным центром РАН, была отмечена необходимость в преодолении социально-экономических диспропорций, которые предстают главным условием стабилизации общественно-политической обстановки и обеспечения региональной безопасности. В пятом томе этого издания подчеркивалось, что «устойчивое развитие территории должно начинаться с глубокой технологической модернизации всех отраслей минерально-сырьевого комплекса, разработки современных энергосберегающих технологий и индустриального производства. Для решения указанных проблем требуются серьезные капиталовложения, персонал высокой квалификации и новейшая материально-техническая база» [5].

В этом плане необходимо отметить следующее: Северный Кавказ не относится к числу старопромышленных регионов, где отсталость тяжелое наследство в виде предприятий, нуждающихся в коренной модернизации, что позволяет здесь развернуть новую промышленность, отличительной чертой которой является мобильность. По сравнению с крупными индустриальными предприятиями прошлого, выпускавшими продукцию и являвшимися центром социальной жизни, современное промышленное госпредприятие можно создать за несколько месяцев и столько же быстро свергнуть или перепрофилировать без катастрофических социальных последствий. Не сочтешь высокий уровень развития промышленности на Северном Кавказе компенсируется высоким уровнем развития аграрного спектра этноэкономики. Отсутствие последовательной региональной политики привело к увеличению доли этноэкономического уклада, свертыванию индустриального сектора экономики, усилению ее сырьевой направленности, углублению внутрорегиональной стратификации. Вместе с тем Северный Кавказ является крупнейшим сельскохозяйственным субъектом Российской Федерации. Здесь выращивается половина виноград, производится десятая часть зерна, плоды ягода и овощей, содержится 40 % поголовья овец, 11 % - крупного рогатого скота. Доля аграрного сектора составляет 22 % в валовом региональном продукте [6].

XXI век поставил во главу уладить необходимость многопрофильной модернизации, основанной на ценностях из института демократии. Прогрессивность модернизации проявляется в ориентации на инновации; преобладание современных приемов и способов над традиционными, инструментальные ценности; массовое образование; активный деятельностный психологический склад мышления людей и т.д. Исторический опыт показывает, что модернизация может осуществляться на двух уровнях: горизонтальном (местное самоуправление, система гражданского общества и т.п.) и вертикальном (система государственной власти, парламент) [7, с. 139-155]. На наш взгляд, модернизацию целесообразно начинать с горизонтальных политических связей. Модернизационный процесс множество быть устойчивый лишь в случае комплексности, вовлечения в него различных сфер жизнедеятельности общества; данные процессы нельзя осуществлять при помощи директива, пусть даже само высокогорье уровнять, т.к. он требует конкуренции - как экономических агентов, так и институтов. Сегодня на Северном Кавказе имеют место проблемны отрицательной динамики в сфере привлечения инвестиций, высокая доля убыточных крупных и средних предприятий, запущенное состояние оборонной промышленности, технологическая и управленческая отсталость и т.д. Социально-экономическое развитие региона должно строиться не только на привлечении иностранных инвесторов, но и на активизации местного бизнеса, эффективном приложении средств федерального и республиканских бюджетов, с учетом требований технологической постиндустриальной модернизации экономики.

Северный Кавказ - неотъемлемая часть России с сложной полиэтнической и поликонфессиональной структурой. Нормализация социально-экономической и политической ситуации в регионе требует принципиально новых, нестандартных решений и подходов федерального правительства к имеющимся здесь проблемам. Необходимо понимать, чтоб этнические из религиозные конфликты, территориальные споры, родовая иерархия и прочие особенности должны учитываться в задачах по модернизации данного взрывоопасного региона. Вместе с тем ситуация такова, что привнесенные сюда во 90-е гг. новые формы политической организации «приживаются» плохо, а прежние, советские и традиционные, во значительной степени разрушены. Разрешению системного социально-политического и конституционно-институционального кризиса на этой территории служила бы выработка модели кавказской интеграции в общероссийское пространство. Выходом из сложившейся ситуации может быть сосредоточение усилий федеральной власти на выявлении социальных группа, способных стать опорой и движущей силой модернизации на Северном Кавказе. Речь идет о представителях национальных республик, носителях общегражданских российских ценностей, хорошо образованных, с определенными амбициями, которых наберется достаточно большое количество. Дилемма состоит в следующем: либо власть найдет возможности по встраиванию это части населения в единый российский модернизационный проект, либо они попадут под влияние радикальных исламистских организаций. В этом, прежде всего, и заключается задача модернизации в регионе. Конечно, Северный Кавказ не принадлежит к самым промышленно развитым регионам Российской Федерации. Вместе с тем здесь уже отмечаются существенные сдвиги на пути к модернизации: развитие новых производств и запускать механизма государственных гарантий по поддержке наиболее важных для региона инвестиционных и социальных проектов, некоторые могут стать реальной базой его развития.

Библиографический список:

1. Региональные конфликты и проблемы безопасности Северного Кавказа / Под ред. Г.Г. Матишова. Ростов н/Д, 2008.
2. Механик А. Нации не создаются толерантностью // Эксперт. 2011. 7-13 марта.
3. Общественное мнение - 2011. М., 2012.
4. http://www.socpol.ru/atlas/overviews/social_sphere/kris.shtml (дата обращения: 20.04.2012).
5. Матишов Г.Г., Батиев Л.В. и др. Атлас социально-политических проблем, угроз и рисков Юга России. Ростов н/Д, 2011. Т. V: Северный Кавказ : проблемы и перспективы развития .
6. Узбекова Е. Кавказ переработает // Российская газета. 2011. 18 апреля. URL: <http://www.rg.ru/2011/04/18/skrynnik.html>. (дата обращения: 29.04.2012).
7. Мошелков Е.Н. Политическая модернизация в России: современные дискуссии и национальный политический опыт // Модернизация и политика: традиции и перспективы России. Политическая наука: Ежегодник - 2011/ Российская ассоциация политической науки; гл. ред. А.И. Соловьев. М., 2011.

Федосеев Владимир Иванович

доцент кафедры теории и истории государства и права
Самарского юридического института ФСИН России,
кандидат исторических наук, доцент
E-mail: fedoseev-vi@mail.ru

Fedoseev Vladimir Ivanovich

associate Professor of theory and history of state and law
Samara juridical Institute of Federal penitentiary service of Russia,
candidate of historical Sciences, associate Professor

УДК 343.8

**ВЗГЛЯДЫ Н. А. СТРУЧКОВА НА ПЕНИТЕНЦИАРНУЮ БЕЗОПАСНОСТЬ ПО
СОВЕТСКОМУ ИСПРАВИТЕЛЬНО-ТРУДОВОМУ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВУ 1969-1971 ГГ.****VIEWS of N. STRUCHKOV ON PRISON SECURITY FOR the SOVIET CORRECTIVE LABOUR
LEGISLATION 1969-1971**

Аннотация. В статье рассматриваются взгляды известного советского ученого-пенитенциариста 50-80-х гг. XX в. Николая Алексеевича Стручкова на отдельные аспекты пенитенциарной безопасности в системе исполнения уголовных наказаний по исправительно-трудовому законодательству 1969-1971 гг.

Abstract. The article deals with the views of the famous Soviet scientist-penitentiary 50-80-ies. XX century. Nikolai Alexeyevich Struchkov on certain aspects of penitentiary security in the system of execution of criminal penalties under the labor law 1969-1971.

Ключевые слова: исполнение наказания, пенитенциарная безопасность, режим, надзор, исправительно-трудовое воздействие, карательно-воспитательный процесс, исправление, перевоспитание.

Keywords: execution of punishment, penitentiary security, regime, supervision, corrective-labor impact, punitive-educational process, correction, reeducation.

Введение

Различные аспекты пенитенциарной безопасности в сфере исполнения уголовных наказаний занимали важное место в правотворческой деятельности советского государства на всех этапах его существования. Большое внимание мерам обеспечения безопасности в исправительно-трудовых учреждениях СССР было уделено в процессе кодификации исправительно-трудового законодательства 1969-1971 гг. [1; 2]. Глубокую разработку данная тема нашла в советской науке исправительно-трудового права 70-80-х гг. XX в., одним из видных представителей которой является Н. А. Стручков.

Актуальность исследуемой темы очевидна и определяется необходимостью изучения положительного опыта правового регулирования общественных отношений в пенитенциарной сфере, накопленного в советский период. Автор статьи ставит своей целью рассмотреть отдельные вопросы пенитенциарной безопасности, разработанные Н. А. Стручковым на основе анализа исправительно-трудового законодательства, кодифицированного в 1969-1971 гг.

**Взгляды Н. А. Стручкова на пенитенциарную безопасность по советскому
исправительно-трудовому законодательству 1969-1971 гг.**

Отправной точкой при рассмотрении проблем пенитенциарной безопасности в исправительно-трудовых учреждениях Н. А. Стручков называет установленный законом режим исполнения наказания в виде лишения свободы [4, 146-147]. Именно в его реализации в первую очередь выражается исполнение данного наказания, направленное на достижение всех предусмотренных законом целей наказания (общее предупреждение). Но, как известно, в рассматриваемый период исполнение лишения свободы было неразрывно связано с применением мер исправительно-трудового воздействия на осужденных к лишению свободы. В связи с этим ученый отмечает, что меры исправительно-трудового воздействия выступают средством достижения не только цели исправления и перевоспитания осужденных, но также и цели специального

предупреждения, то есть недопущения, пресечения новых правонарушений со стороны осужденных в период отбывания лишения свободы.

Обращает на себя внимание использование Н. А. Стручковым термина «специально-предупредительная деятельность администрации ИТУ». Определяя ее как составную часть карательно-воспитательного процесса, от эффективности которой зависит уровень пенитенциарной безопасности учреждения, ученый раскрывает механизм данной деятельности. Во-первых, он отмечает, что в карательно-воспитательном процессе всегда участвуют две стороны – осужденные, с одной стороны, и должностные лица исправительно-трудовых учреждений (и иных органов, исполняющих наказания) – с другой. От должностных лиц требуется выполнение ими их служебных обязанностей, точное соблюдение законов и иных нормативных актов, регулирующих как деятельность исправительно-трудовых учреждений, так и поведение осужденных, умелый психологический подход и использование правил педагогики, надлежащее собственное поведение.

Вместе с тем перед сотрудниками ИТУ стоят и другие задачи. Так, в ч. 1 ст. 19 Основ исправительно-трудового законодательства Союза ССР и союзных республик [1] в качестве одного из требований режима названы обязательная изоляция осужденных и постоянный надзор за ними с тем, чтобы исключалась возможность совершения ими новых преступлений или поступков. Н. А. Стручков обращает наше внимание на то, что в вышеприведенном положении закона надзор за осужденными как вид деятельности, обеспечивающей исполнение наказания, назван прямо. Изоляция же осужденных обеспечивается посредством другого вида деятельности — охраны осужденных, содержащихся в исправительно-трудовых учреждениях. Как известно, в 70-80-е гг. XX в. функции охраны и надзора в исправительно-трудовых учреждениях всех видов режима выполнял личный состав внутренних войск МВД СССР в соответствии с воинскими уставами и иными специальными нормативными актами.

Охрана решает задачи предупреждения и ликвидации побегов осужденных, предотвращения нападений осужденных на представителей администрации исправительно-трудовых учреждений, а также нападений на исправительно-трудовые учреждения извне. Надзор за осужденными преследует цели поддержания должного порядка в исправительно-трудовом учреждении, недопущения разного рода правонарушений со стороны осужденных, выполнения осужденными возложенных на них обязанностей в сфере режима.

К основным компонентам специально-предупредительной деятельности Н. А. Стручков относит:

- охрану осужденных и надзор за ними;
- применение мер и технических средств, предупреждающих проникновение в исправительно-трудовые учреждения запрещенных предметов и веществ, которые могут быть использованы осужденными для совершения запрещенных действий;
- установление ограничений и особого порядка общения с осужденными лиц, не являющихся работниками исправительно-трудовых учреждений. В данном случае речь идет о совместной работе осужденных и иных лиц на производственных объектах и стройках министерств (кроме МВД) и ведомств, о возможных контактах осужденных и лиц, посещающих исправительно-трудовые учреждения по производственной и иной необходимости, а также с пребывающими на свидания лицами;
- предупреждение правонарушений осужденных, систематически и целенаправленно осуществляемое в соответствии с планами профилактики, разрабатываемыми в каждом исправительно-трудовом учреждении в соответствии с положениями криминологической теории предупреждения преступности и конкретной обстановкой;
- использование дисциплинарной практики, т.е. применение к осужденным в законодательном порядке и юридически закрепленных мер взыскания и поощрения;
- применение в строго определенных случаях и в строгом соответствии с установленным порядком мер безопасности, предусмотренных исправительно-трудовым законодательством;
- раскрытие преступлений и иных правонарушений, предварительное расследование по делам о совершенных осужденными преступлениях.

Указанные компоненты специально-предупредительной деятельности хотя и имеют самостоятельное назначение, но вместе с тем существуют в условиях реализации мер карательно-воспитательного процесса и тесно с ними соприкасаются.

В этом отношении показательным установление в законе особого порядка общения осужденных

с лицами, не являющимися работниками исправительно-трудовых учреждений. С одной стороны, установление данных ограничений относится к режиму исполнения лишения свободы, но в то же время эти ограничения важны и с точки зрения обеспечения пенитенциарной безопасности. В таком же аспекте Н.А.Стручков предлагает охарактеризовать и ограничение права на общение осужденных с их родственниками и иными лицами, находящимися вне исправительно-трудового учреждения. Исключением из этого правила ученый считает предоставление осужденным права на свидания с родственниками [4, 149-150].

Особый порядок общения осужденных с иными лицами предусмотрен ст. 34 Исправительно-трудового кодекса РСФСР [2]. В данной статье содержится норма, формулирующая требование, которое необходимо соблюдать на производственных объектах других министерств и ведомств, где практически имеют место контакты осужденных с гражданами, находящимися на свободе. Прежде всего, закон ограничивает число административных и инженерно-технических работников, не являющихся лицами начальствующего состава или служащими МВД СССР, а также квалифицированных рабочих, находящихся на производстве вместе с осужденными. Число этих лиц не должно превышать 15% по отношению к числу работающих осужденных.

Закон также требует от гражданских лиц, работающих совместно с осужденными, соблюдать порядок взаимоотношений с последними, установленный администрацией исправительно-трудовых учреждений. В случае нарушения данного порядка администрация учреждения имеет право запретить нарушителям доступ на производственные объекты, где работают осужденные.

В целях соблюдения надлежащего порядка на производственных объектах администрация исправительно-трудовых учреждений должна принимать меры к тому, чтобы состав работников, не являющихся лицами начальствующего состава или служащими МВД СССР, тщательно подбирался. Работающих с осужденными лиц надлежит предварительно ознакомить с установленными правилами их поведения на производственных объектах с точки зрения контактов с осужденными [4, 150].

Предупреждение преступлений и иных правонарушений в исправительно-трудовых учреждениях представляет собой специальную линию деятельности администрации. Осуществляется эта деятельность путем проведения целого ряда конкретных мер профилактики, создания условий, исключающих проникновение в исправительно-трудовые учреждения запрещенных предметов и веществ (алкогольных напитков, легковоспламеняющихся жидкостей и порошков и т.д.). Как видим, законодательство и сама практика исполнения лишения свободы 60-80-х гг. XX в. еще «не знали» наркотических веществ, сотовых телефонов и многого другого, что в современных условиях представляет прямую угрозу пенитенциарной безопасности.

Законом, а именно ч. 4 ст. 34 ИТК РСФСР [2], специально предусмотрен запрет передавать осужденным какие-либо вещи, продукты питания, деньги, а также предметы, запрещенные к использованию в исправительно-трудовых учреждениях. В целях предупреждения подобных передач, а также выноса от осужденных каких-либо предметов разрешен досмотр производственных объектов, вещей и одежды лиц, входящих на территорию исправительно-трудовых учреждений или производственных объектов, где работают осужденные, а также лиц, выходящих с них. Досмотру должно предшествовать требование предъявить предметы, запрещенные к проносу в исправительно-трудовые учреждения. За незаконную, скрытую от досмотра передачу или попытку передачи осужденным вещей, продуктов питания, денег, спиртных напитков, а также других веществ и предметов, запрещенных к использованию в исправительно-трудовых учреждениях, устанавливался штраф в размере от 10 до 50 руб., налагаемый в административном порядке. Такая ответственность была установлена законодательством союзных республик, например, Указом Президиума Верховного Совета РСФСР от 7 июня 1972 г. «Об ответственности за незаконную передачу осужденным вещей, продуктов питания, денег, а также предметов, запрещенных к использованию в исправительно-трудовых учреждениях» [5].

Законодательством закреплялась также обязанность администрации учреждения производить осмотр жилых зон исправительно-трудовых учреждений, обыск осужденных при входе в исправительно-трудовое учреждение и при выходе из него, обыск спальных мест и личных вещей осужденных.

Специфическим видом деятельности администрации исправительно-трудовых учреждений в контексте обеспечения пенитенциарной безопасности является применение к осужденным мер взыскания в соответствии со ст.ст. 33-34 Основ исправительно-трудового законодательства, а также

в исключительных случаях – особых мер безопасности, то есть специальных средств (ст. 39 Основ исправительно-трудового законодательства) [1]. Использование указанных выше мер непосредственно служит цели специального предупреждения [4, 147].

В интересах пресечения неправомерного поведения осужденных, создающего угрозу наступления особо опасных последствий для нормального функционирования ИТУ, и не прекращающегося несмотря на принимаемые меры, и выражающегося в буйстве и бесчинстве, предусматривалось применение мер безопасности.

Меры безопасности (их виды, основания и цели применения), в том числе основания применения оружия предусмотрены ст. 39 Основ исправительно-трудового законодательства и ст. 35 Исправительно-трудового кодекса РСФСР [1; 2]. Согласно закону, их применение означает использование по отношению к осужденным в необходимых случаях наручников либо смирительной рубашки. Наручники либо смирительная рубашка могли применяться к осужденным, если они оказывали физическое сопротивление работникам исправительно-трудовых учреждений, проявляли буйство или совершали другие насильственные действия. Эти меры безопасности подлежали применению в целях предотвращения причинения вреда окружающим или самим буйствующим и бесчинствующим лицам. Смирительная рубашка не могла применяться к осужденным из числа несовершеннолетних лиц и женщин.

Ученый подчеркивает, что сами по себе меры безопасности не рассчитаны на исправление и перевоспитание осужденных. Они применяются в качестве мер охранительного свойства и чрезвычайного характера. К ним надлежало прибегать лишь в случае неподчинения осужденных неоднократным призывам со стороны администрации ИТУ прекратить бесчинства, игнорирования ими неоднократных предупреждений о недопустимости совершаемых преступных действий, а также при отсутствии других возможностей призвать осужденных к порядку и воспрепятствовать им совершать посягательства на здоровье и жизнь других лиц. Меры безопасности должны были применяться только до момента устранения опасности. Их использование ни в коем случае не должно было преследовать цель причинения вреда здоровью или страдания осужденным.

В соответствии с общими положениями, закрепленными в Основах исправительно-трудового законодательства и в исправительно-трудовых кодексах союзных республик, порядок применения мер безопасности устанавливался соответствующими актами МВД СССР.

В ч. 2 ст. 39 Основ определялись основания применения особой меры безопасности — оружия. Закон рассматривал применение оружия как исключительную меру. Оно допускалось только в двух случаях: во-первых, при совершении осужденным к лишению свободы нападения или иного умышленного действия, непосредственно угрожающего жизни работников исправительно-трудового учреждения либо других лиц; во-вторых, – при побеге из-под стражи. Применение оружия и в этих случаях могло иметь место только при условии, если другими мерами невозможно было пресечь указанные действия. Исключительность данной меры усиливается и тем, что закон запрещал применение оружия при побеге женщин и несовершеннолетних лиц. Об этом же свидетельствует и предписание закона, обязывающее администрацию места лишения свободы о каждом случае применения оружия немедленно уведомлять прокурора [4, 154].

Применение мер безопасности в 70-80-е гг. XX в. осуществлялось в рамках служебной деятельности личного состава внутренних войск и на основе правовых актов, в том числе исходивших от МВД СССР. В связи с этим Н. А. Стручков предлагал в тот период, чтобы правовое регулирование данной сферы должно было осуществляться при помощи норм, входящих в особую ветвь военного права, которую ученый считал комплексной отраслью права.

Заключение

Таким образом, в научных трудах Н. А. Струčkова большое внимание уделено различным аспектам обеспечения пенитенциарной безопасности в исправительно-трудовых учреждениях.

Библиографический список:

1. Основы исправительно-трудового законодательства Союза ССР и союзных республик 11 июля 1969 г. № 4074-VII // Ведомости ВС СССР. – 1969. – № 29. – Ст. 247.
2. Исправительно-трудовой кодекс РСФСР от 18 декабря 1970 г. // Ведомости ВС РСФСР. – 1970. – № 51. – Ст. 1220.
3. Стручков Н. А. Курс исправительно-трудового права: Проблемы общей части. – М.: Юрид. лит., 1985. – 240 с.

4. Стручков Н. А. Курс исправительно-трудового права: Проблемы особенной части. – М.: Юрид. лит., 1985. – 256 с.

5. Указ Президиума Верховного Совета РСФСР от 7 июня 1972 г. «Об ответственности за незаконную передачу осужденным вещей, продуктов питания, денег, а также предметов, запрещенных к использованию в исправительно-трудовых учреждениях // Ведомости ВС РСФСР. – 1972. – № 24. – Ст. 615.

Нуриахметов Эльмир Загитович
Nuriakhmetov Elmir Zagitovich

Студент-магистрант Набережночелнинского института Казанского
(Приволжского) федерального университета, отделение юридических и
социальных наук, направление «Юриспруденция».

УДК 341.231

ПРОБЛЕМЫ ОПРЕДЕЛЕНИЯ СУВЕРЕНИТЕТА В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

PROBLEMS OF DETERMINING SOVEREIGNTY IN THE RUSSIAN FEDERATION

Аннотация. Настоящая статья посвящена изучению проблемы суверенитета в России, рассмотрению факторов, которые влияют на самостоятельность нашего государства. Дается определение суверенитету как элементу государственности. Разбирается значимость суверенитета для граждан – источника власти. Освещается деятельность общественных движений в России, которые имеют своей целью донесение важности суверенитета для гражданского общества.

Annotation. This article is devoted to the study of the problem of sovereignty in Russia, the consideration of factors that affect the independence of our state. The definition of sovereignty as an element of statehood is given. Understands the importance of sovereignty for citizens - the source of power. It covers the activities of social movements in Russia, which aim to convey the importance of sovereignty for civil society.

Ключевые слова: суверенитет, суверенность, государство, государственность, Россия, Российская Федерация, Федерация, верховенство, история России, интервенция, сецессия, Конституция РФ, НОД.

Keywords: sovereignty, sovereignty, state, statehood, Russia, Russian Federation, Federation, supremacy, history of Russia, intervention, secession, Constitution of the Russian Federation, NOD.

По своей сущности, государство необходимо для обеспечения реализации интересов его граждан в социальной, национальной, культурной, религиозной и иных сферах. Именно государство, обладая политической властью, служит регулятором общественных отношений. Однако для обеспечения своих функций организация политической власти должна быть сопровождена верховенством во внутренних делах и самостоятельностью на международной арене, без чего невозможно отстаивание национальных интересов. Иначе говоря, речь идёт о суверенитете, который играет ключевую роль в становлении любого государства. Мировая история говорит о множестве внешних посягательств на чью-либо независимость, что, безусловно, негативно отражалось на благосостоянии пострадавших граждан. Наше государство не исключение и предстает ярким примером проблем с суверенитетом. Как итог, в разные периоды времени, в том числе и настоящее время, ставится вопрос определения суверенитета Российской Федерации. Чтобы разобраться в поставленной проблеме, целесообразно обратиться к исторической ретроспективе, сделать анализ государственного становления других стран и сравнить нынешнее устройство России и зарубежья.

Слово «суверенитет» пришло в наш язык с французского, переводясь как «верховная власть». Большой юридический словарь определяет это понятие как независимость и верховенство власти, разделяемой на две категории: внешняя и внутренняя. Под внутренней понимается абсолютное обоснование законодательной, исполнительной и судебной власти, действующих на территории, подчинённой государству. Распространение политической власти иностранного государства на этой территории не допускается, за исключением случаев, предусмотренных международными договорами и принципами [1]. Соответственно, страна, не обладающая суверенитетом, является колонией или доминионом другого государства, не имея полноправного контроля над своей территорией.

Общепринятое понимание суверенитета как признака государства было сформулировано французским философом Жаном Боденом в 16-ом веке. Он писал, что власть, являясь сплочённой силой всего общества, предполагает полную независимость, т.е. суверенность. Согласно концепции, суверенитет может принадлежать только королю и никому более, причём любая деятельность короля стоит выше законов и ими не регулируется. Философ также отмечал, что суверенитет может принадлежать только одному конкретному лицу или органу, из-за чего смешанная форма

государства нецелесообразна. Сущность суверенитета изучалась также французским мыслителем и писателем Ж. Ж. Руссо, который определял его как неограниченную и ни для кого неделимую власть. У нас понятие суверенитета впервые появилось в 1503 году благодаря церковному писателю Иосифу Санину, утверждавшему, что царская власть, данная Богом, верховна перед всеми, включая князей [2].

Учитывая всю сложность государственного устройства, его становления и развития, а также внешних факторов, можно сделать вывод о том, что суверенитет – это предмет посягательства теми или иными силами. Мировая история знает множество примеров, когда державы не обладали независимостью в полной мере. Примером этого можно назвать Британскую Империю, в которой Великобритания – метрополия, а остальные территории – колонии, полученные в ходе военных кампаний. Колонизированные страны и их народы не могли самостоятельно принимать важные решения, влияющие на их благосостояние и развитие. Как известно, после первой мировой войны Британия, как и многие другие колонизаторы, потеряли когда-то подконтрольные территории, отныне получившие самостоятельность [3]. Таким образом, обнаружив тенденцию наличия у государств формального или ограниченного суверенитета, в начале 20-го века многие мыслители пришли к выводу о том, что властные полномочия любого государства лимитирована и не полномерна. Концепция обусловлена зависимостью от отношений с другими странами, а также присутствием внутренних оппозиционных сил, которые имеют политическое влияние [2].

Государственный суверенитет исходит от народного суверенитета – наличия у народа политических и социально-экономических методов и функций, посредством которых осуществляется управление общественными и государственными делами. Народный суверенитет присущ конституционному строю любого демократического общества [4]. Отечественный юрист Б. С. Крылов считал, что эти виды суверенитета взаимоинтегрированы, поскольку государство можно считать суверенным в том случае, когда воплощается воля народа [2].

Вопрос суверенитета наиболее актуален для федеративного строя. В 17-м веке немецкий мыслитель и юрист Иоханесс Альтузиус выдвинул «федеральную теорию суверенитета», предполагающую главенство союза над его частями, т.е. юридическое верховенство такого органа, который в полной мере был сформирован посредством инициативы участников такого союза. Однако в таких условиях могут появиться разногласия относительно тех функций, которые разграничиваются суверенитетом. Таким образом, из концепции вытекают следующие суждения: 1) суверенитетом может обладать только федерация. Из этого складывается вопрос целесообразности федеративности, если де-факто, в таком случае, предполагается классическое унитарное равенство; 2) суверенитетом обладают составные части федерации, имеющие право выхода из неё; 3) суверенитет разграничивается согласно делению государственной власти, что закреплено Конституцией [4]. Проблематика суверенитета заключается в том, что в полной мере им не обладает ни федерация, ни её составные части, поскольку в той или иной мере каждый друг от друга зависим.

Статус суверенитета для Российской Федерации имеет особую важность в силу специфики её государственного уклада, которому посвящена глава 3 Конституции Российской Федерации. Россия – государство с федеративным устройством, в составе которого находятся такие субъекты, как республики, края, области, автономные округа, автономная область, а также города федерального значения. Нынешняя классификация регионов «перекочевала» в правовую систему Российской Федерации из РСФСР при некоторых изменениях. Субъекты имеют свои уставы (республики – конституции), свою законодательную базу, не перечашую федеральному закону. Особое внимание стоит уделить республикам. Всего в России их 22 и каждая имеет определённую юридическую самостоятельность в пределах своего субъекта. Республики отличаются от остальных регионов этническим составом, где, помимо русских, имеется другая титульная нация. Республики располагают собственной конституцией и символикой. На государственном уровне признан статус национальных языков, помимо русского [5]. Необходимо заметить, что конституции многих республик частично не соответствуют российской конституции. Речь идёт об использовании недр, воды, земли, растительного и животного мира. Конституции Якутии, Тувы, Башкортостана, Дагестана, Татарстана и др. признают эти ресурсы собственностью народов, проживающих на территориях данных субъектов, что перечит конституционным принципам о совместном ведении регионами и федеральной властью тех или иных дел [6].

Такого рода устройство было зарождено ещё при появлении Советского Союза. Все его республики, кроме России, представляли собой унитарные государства с территориально-

административными единицами (как правило, областями). РСФСР же, в силу своего наибольшего национального разнообразия, сформировала особые полномочия для тех регионов, где русские не составляют большинство от процента всех проживающих там народов [7].

Национальное обособление, выражаемое республиками, является предметом дискуссий и критики. Современный политик Владимир Жириновский выступает против существования национальных республик, считая, что они, на почве национализма, могут претендовать на отделение от России и, тем самым, получить абсолютный суверенитет. Жириновский предлагает «вернуть» России губернии, упразднив нынешнее разнообразие субъектов, чтобы исключить вероятность сепаратизма или сепарации [8]. При этом Конституция Российской Федерации не предусматривает права на суверенитет регионов, говоря о выходе из Федерации, но отмечается самоопределение в рамках федеративного устройства. Национальные республики лишены права на внешнюю политику во взаимоотношениях с другими странами. Так или иначе, опасения политика имеют основания, поскольку после распада Советского Союза на сепарацию претендовали, как минимум, Чечня и Татарстан [9]. Таким образом, национальные регионы, ныне имеющие свой язык, конституцию и законодательство, не обладают суверенитетом в полной мере, но имеют права, защищающие этническую составляющую таких регионов (язык, историю, культуру, традиции и т.д.).

Россия – суверенное государство, что закрепляется нормами Конституции Российской Федерации. Согласно закону, суверенитет России распространён на всей его территории, а Конституция и Федеральный закон имеют верховенство над законодательной базой субъектов федерации. Отмечается, что носителем суверенитета и единственным источником власти является многонациональный народ Российской Федерации [5]. Помимо основного закона, суверенитет определяется Декларацией о государственном суверенитете РСФСР от 1990 года. Согласно ему, российский суверенитет – это естественное и необходимое условие существования государственности России, которая имеет многовековую историю, культуры и традиции. Государственный суверенитет определяется как свобода и независимость многонационального народа России в своём развитии, а также верховенство России, её территориальная целостность и независимость в международном пространстве, говоря о взаимоотношениях с иными государствами.

Конституция обеспечивает государственную власть правом на самостоятельное определение политического, экономического, социального и иных векторов развития общества. Федеральная государственная власть в полной мере решает вопросы государственной и общественной жизни, кроме тех, что находятся в ведении субъектов Федерации. Граждане России обладают исключительным правом на владение, пользование и распоряжением национальными и природными богатствами Российской Федерации. Касаясь представительного элемента суверенности, важно подчеркнуть, что Россия, как и любое другое государство, имеет собственную официальную символику, которая определяет державный суверенитет на международном поле [10].

Суверенитет, учитывая его значение, предстаёт предметом посягательства как извне, так и изнутри. Наиболее известным истории «способом» его нарушения является интервенция. Россия была подвержена ей в 1609-1618 годах во время Русско-польской войны, когда польская знать напрямую заявила о своём желании покорить Русское Царство. В ходе военных действий польские интервенты захватили многие западные города, дойдя до Москвы и также взяв её. Как мы знаем, Россия была освобождена от захватчиков благодаря Минину и Пожарскому, которые сформировали народное ополчение [11].

История современного государства не знает случаев прямой интервенции, когда иностранное государство могло бы вмешаться в наши внутренние дела или влиять на внешние решения. Суверенность государств – это принцип международного права, который соблюдается абсолютно всеми. В исключительных случаях сегодня происходят вторжения в то или иное государство, имея при этом миротворческие цели (например, американская интервенция в Афганистане). Однако в нынешней России имеются лица, считающие, что российский суверенитет, а равно качество жизни россиян под угрозой. Речь идёт о так называемом «Народно-освободительном движении» во главе с депутатом Евгением Фёдоровым. Данная организация, нашедшая свой контингент и набравшая популярность, пропагандирует мысли о том, что Россия, начиная с 1991 года, является «колониальным, вассальным государством» под управлением «западных спец. учреждений», а российская конституция полностью писана американскими экспертами для их выгоды. Россияне, по словам Фёдорова, не имеют власти, все политические решения принимаются исключительно на западе, а президент лишён многих полномочий. Как считает Фёдоров, эти решения по своей

сущности направлены на ухудшение уровня жизни в России, черпая из этого некую выгоду. Депутат ссылается на п. 4 ст. 15 Конституции, трактуя его как норму, посредством которой западные управленцы принимают все важные стратегические решения внутри России. На деле, данная правовая норма всего лишь закрепляет принцип международного права о том, что общепринятые нормы и международные договоры, заключённые Россией, являются неотъемлемой частью её правовой системы, причём международный договор стоит выше внутренних законов. Однако подобная норма имеется во многих конституциях современных государств, что подразумевает определённый приоритет международного права, а не управленческие функции одного государства над другим. Таким образом, идея НОДа сходит на нет, поскольку его концепция несостоятельна. Мотив депутата остаётся неясным, однако можно предположить, что «НОД» - ничто иное, как перекладывание ответственности за те или иные события, происходящие в нашей стране [12].

Российская Федерация, как и любое современное государство с демократическим строем, обладает суверенитетом, что соответствует международным принципам. Однако федеративное устройство в некоторых моментах может не сочетаться с основами суверенитета, что может порождать некоторые противоречия. Внешние факторы, которые напрямую могут повлиять на внутреннюю самостоятельность государства, отсутствуют. Однако имеются основания экономического характера, из-за которых Российская Федерация может идти на определённые уступки своим партнёрам, имея в виду международные отношения. Верховенство государственной власти внутри страны обеспечено Конституцией, федеральными законами и иными правовыми нормами. И, таким образом, российский суверенитет предполагает выражение воли народа на государственное единство и защиту прав и свобод человека и гражданина.

Библиографический список:

1. Словарь Академик – Суверенитет [Электронный ресурс], режим доступа: <https://dic.academic.ru/dic.nsf/lower/18560>
2. География России – История Великобритании [Электронный ресурс], режим доступа: <https://geographyofrussia.com/istoriya-velikobritanii>
3. Политическое образование - Народный суверенитет и социальное государство как принципы конституционного строя по Конституции России 1993 года [Электронный ресурс], режим доступа: <http://lawinrussia.ru/content/narodnyi-suverenitet-i-sotsialnoe-gosudarstvo-kak-printsipy-konstitutsionnogo-stroya-po-konstitutsii-r>
4. ЮрКом 74 - Государственный суверенитет: проблемы определения понятия и содержания [Электронный ресурс], режим доступа: <https://jurkom74.ru/ucheba/gosudarstvenniy-suverenitet-problemi-opredeleniya-ponyatiya-i-soderzhaniya>
5. Конституция Российской Федерации [Электронный ресурс], режим доступа: www.constitution.ru;
6. КиберЛенинка - Проблемы суверенитета и федерализма в истории и праве России [Электронный ресурс], режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/problemy-suvereniteta-i-federalizma-v-istorii-i-prave-rossii>
7. Юридическая Россия - Государственное устройство РСФСР [Электронный ресурс], режим доступа: <http://www.law.edu.ru/book/book.asp?bookID=69542>
8. Татар-инфо - Жириновский выступил против существования национальных республик [Электронный ресурс], режим доступа: <https://www.tatar-inform.ru/news/2017/01/18/535808>
9. Ruposters - Суверенитета - сколько хочешь: как Ельцин и Шаймиев удержали Татарстан [Электронный ресурс], режим доступа: <https://ruposters.ru/news/19-12-2017/kak-eltsin-shaimiev-yderzhali-tatarstan>
10. Институт экономики и права Ивана Кушнера - Конституционное (государственное) право России [Электронный ресурс], режим доступа: <http://be5.biz/pravo/k037/12.html>
11. История государства Российского - Польская интервенция 1609 - 1618 годов [Электронный ресурс], режим доступа: <https://www.rusempire.ru/rossijskoe-gosudarstvo/vojnurossijskogo-gosudarstva/1085-polskaya-interventsiya-1609-1618-godov.html>
12. Youtube - НОД. Секта Федорова или борьба за суверенитет? [Электронный ресурс], режим доступа: <https://www.youtube.com/watch?v=l6iMNM0Jozg>

Гурова Екатерина Алексеевна
Дальневосточный филиал «Российский
Государственный Университет Правосудия» г. Хабаровск.
Магистрант.

Gurova Ekaterina Alekseevna
Far Eastern Branch of the Russian State University of Justice
Undergraduate Khabarovsk

УДК 343.11

ПРОБЛЕМЫ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ РАЙОННЫХ СУДОВ

PROBLEMS OF DISTRICT COURTS

Аннотация. В данной статье проанализированы проблемы районных судов. Определены основные вопросы, требующие доработки и приведены пути их решения.

Abstract. In this article, the problems of district courts. Identified the main issues that need to be worked out and ways of their solution.

Ключевые слова: районные суды, медиация, электронное правосудие, кадровые проблемы.

Keywords: district courts, mediation, electronic justice, personnel problems.

Районные суды являются неотъемлемой частью судебной системы Российской Федерации, на них приходится большое количество гражданских, уголовных и административных дел. Во многом от работы аппарата районных судов зависит качество рассмотрения дела, судебное делопроизводство. Не смотря на длинную историю их развития, постоянное реформирование, существует ряд проблем, препятствующих их нормальной работе. Исследовав деятельность районного суда, изучив его историю, организацию, компетенцию и полномочия было выявлено ряд проблем, в первую очередь это связано с тем, что, районный суд имеет очень широкую компетенцию, рассматривая большинство дел первой, а так же апелляционной инстанции. Существуют проблемы с судебной нагрузкой, с качеством рассмотрения дел, кадровые проблемы, и т.д.

Большая судебная нагрузка в районном суде. Предпосылками данной проблемы является, тот факт, что процессуальным законодательством районному суду отведен огромный перечень дел имеющих совершенно разную материально-правовую природу. Вследствие этого судьи не успевают тщательно ознакомиться с материалами многих дел, находящихся у них в производстве, и принять по ним верное решение. Так же проблема судебной нагрузки сказывается на скорости рассмотрения дела и приводит к затягиванию процесса. Решению этой проблемы может помочь развитие медиации в России, с помощью данного института существенно уменьшится нагрузка на первую инстанцию, медиация позволит людям разрешить спор до обращения в суд общей юрисдикции. Медиация в гражданском процессе — это один из способов разрешить спор, предполагающий привлечение посредника, который помогает разработать условия соглашения, удовлетворяющие обе стороны. Любые конфликты, будь то бытовые, профессиональные, договорные, семейные или конфликты иного рода, отнимают большое количество времени, материальных ресурсов и, к сожалению, здоровья. Поэтому разрешение конфликтов с помощью данной процедуры во многом может способствовать минимизации отрицательных аспектов спора. В большинстве случаев если спорящие стороны будут разрешать свою проблему путем медиации, то они смогут более оперативно и быстро прийти к примирению, чем в судебном порядке. Практика показывает, что медиация преобладает в гражданско-правовой сфере жизни общества, разрешая в основном споры по гражданским и трудовым делам. Однако, несмотря на это, определенные элементы этой процедуры начинают развиваться в уголовном судопроизводстве, так как процесс урегулирования споров путем медиации распространяется на отношения, предусмотренные федеральными законами. Это открывает широкий спектр правоотношений, охватывающий разные области права и судопроизводства, также нуждающиеся в досудебном урегулировании. На практике, однако, услуги служб медиации используются достаточно редко. Это связано не только с юридической неграмотностью участников процесса, но и с отсутствием профессиональных медиаторов или

доступной информации об их деятельности.

Неразвитость электронного правосудия. На сегодняшний день районные суды оснащены собственными сайтами, на которые выкладываются все правовые документы, но учитывая современные технические возможности этого не достаточно. В подтверждение данному факту можно провести параллель с арбитражным судом, сайты арбитражных судов оснащены программами, «мой арбитр» и «электронный страж» это существенно упрощает обращение в суд для заявителя. С помощью программы «электронный страж» заявитель или его представитель могут отслеживать не только, то дело, в котором его организация или клиент является одной из сторон, но и любое другое дело в котором участвует любая организация или индивидуальный предприниматель. Это бывает важно юристу для последующего анализа судебных решений по аналогичным категориям дел и видам споров. Судам общей юрисдикции необходимо взять на вооружение те программы, которые используются арбитражными судами РФ, это позволит быстрее и эффективнее справляться с объемом работы, возложенным на аппарат районного суда.

Проблема кадрового состава и материального обеспечения работников аппарата суда. В первую очередь данная проблема касается секретарей и помощников судей, данные работники суда не имеют тех полномочий, которыми обладают судьи, председатели судов, их заместители, но при этом они играют определенную роль в отправлении правосудия, так как на них возложено много обязанностей связанных организационно-правовым, информационным, документационным и иным обеспечением деятельности судей. Проблема кадров аппарата суда была отражена в Постановлении всероссийского съезда судей «О состоянии судебной системы Российской Федерации и основных направлениях ее развития» «Крайне обострилась проблема стабильности кадрового состава аппаратов судов. Недопустимо низким остаётся уровень оплаты труда федеральных государственных гражданских служащих судебной системы. В условиях, когда заработная плата таких же специалистов в других государственных органах и в коммерческих структурах значительно выше, чем в судах, а служебная нагрузка работников аппаратов судов и требования к ним всё возрастают, происходит отток квалифицированных специалистов; выпускники юридических вузов предпочитают идти на работу в иные сферы. Снижаются возможности формирования системы подготовки резерва кадров для замещения должностей судей». В результате, из-за невысокой заработной платы большинство выпускников юридических вузов не стремятся попасть на работу в суд, либо получив определенный стаж уходят работать в другие организации, где оплата существенно выше, вследствие из-за этого в районных судах наблюдается кадровый «голод», на позиции секретарей и помощников берут почти всех желающих, а не самых достойных. В дальнейшем это сказывается на работе всей судебной системы. Единственным верным решением в данной ситуации является увеличение заработной платы работников суда, что в свою очередь должно положительно отразиться на кадровой составляющей судебной системы. Это в конечном итоге увеличит приток квалифицированных специалистов и приведет к улучшению качества работы суда. К тому же, известно, что большинство судей получают статус после того как долгое время проработают помощниками, поэтому улучшение качества кадров на позициях помощников и секретарей в дальнейшем приведет к тому, что суду будет проще формировать кадровый резерв судейского корпуса.

Проблема организации делопроизводства в районных судах. Организация делопроизводства в суде влияет на скорость и качество рассмотрения дел. Поэтому ненадлежащие исполнения должностными лица суда своих обязанностей часто приводит к негативным последствиям. Например, в статье Левочкиной А.В. «Организационно правовые факторы нарушения разумных сроков судопроизводства в районном суде в свете анализа практики Европейского суда по правам человека» говорится, о том, что в практике ЕСПЧ неоднократно отмечалась недостаточно эффективная организация процесса извещения участников судопроизводства о месте и времени судебного разбирательства, что служило обстоятельством для признания приемлемыми жалоб в части длительности судебного разбирательства. В подтверждение данному факту Левочкина приводит конкретные дела: В материалах дела ЕСПЧ "Кесьян против России" симптоматично фиксируется "совокупная задержка в судебном разбирательстве приблизительно на 30 месяцев вследствие ненадлежащего уведомления районным судом заявителя и его представителя".

Исследуя и анализируя проблемы районного суда, можно прийти к выводу, что они очень схожи, с теми, которые есть в других органах государственной власти, это и кадровые проблемы, и

проблемы технического оснащения, загруженность и многие другие. Их необходимо решать. Нужно усовершенствовать организационную работу суда.

Библиографический список:

1. Федеральный закон от 27.07.2010 N 193-ФЗ (ред. от 23.07.2013) «Об альтернативной процедуре урегулирования споров с участием посредника (процедуре медиации)»;
2. Петрухин И.Л. Судебная власть. М.: ООО «ТК Велби», 2003. С. 240;
3. Левочкин А.В. «Организационно-правовые факторы нарушения в районном суде в свете анализа практики Европейского суда по правам человека» 2013 - № 7

Юламанова Айгуль Азаматовна**Yulamanova Aigul Azamatovna**

Студентка 4 курса Юридического факультета

Московского Государственного Университета им. М.В. Ломоносова

УДК 34

ПРАВОВЫЕ ПРОБЛЕМЫ ЗАКЛЮЧЕНИЯ И ИСПОЛНЕНИЯ СМАРТ-КОНТРАКТОВ**LEGAL ISSUES OF CONCLUSION AND PERFORMANCE OF SMART CONTRACTS**

Аннотация. Настоящая статья посвящена основным вопросам, возникающим в связи с заключением и исполнением смарт-контрактов. В работе освещены подходы к пониманию смарт-контрактов, а также отражено существующее правовое регулирование.

Abstract. This article is devoted to the main issues arising in connection with the conclusion and performance of smart contracts. The paper highlights approaches to the understanding of smart contracts and reflects the existing legal regulation.

Ключевые слова: смарт-контракт, блокчейн.

Keywords: smart contract, blockchain.

Сегодня, в цифровую эпоху, невозможно представить жизнь современного общества без Интернета. Появление Глобальной сети стало настоящей революцией в сфере информационных технологий, которые, в свою очередь, в последние годы получили широкое распространение среди участников гражданского оборота. Тем не менее, правовое регулирование отношений, возникающих между пользователями различных интернет-технологий, еще не получило достаточного развития ни в научном, ни в практическом плане.

Предметом наиболее активных дискуссий среди ученых-правоведов на сегодняшний день является технология блокчейн и, в частности, заключаемые с ее помощью смарт-контракты. Подобный интерес можно объяснить отсутствием на данный момент сложившегося правового регулирования данных явлений в условиях их широкого распространения среди участников гражданского оборота.

В настоящей работе мы рассмотрим понятие и сущность смарт-контрактов, попытаемся определить их правовую природу и проанализируем основные проблемы, возникающие в связи с их заключением и исполнением.

Стоит отметить, что в некоторых странах смарт-контракты уже получили свое правовое оформление. В частности, в начале февраля 2019 года в Италии был принят закон, посвященный регулированию технологии блокчейн и смарт-контрактов[4]. Российский законодатель также начал предпринимать шаги к созданию правовой базы для рассматриваемого явления. Так, в марте 2019 года был принят Федеральный закон "О внесении изменений в части первую, вторую и статью 1124 части третьей Гражданского кодекса Российской Федерации" от 18.03.2019 N 34-ФЗ, который положил начало регулированию смарт-контрактов. К тому же, на рассмотрении Государственной Думы РФ находится проект Федерального закона №419059-7 "О цифровых финансовых активах"[1], также затрагивающий смарт-контракты.

Анализ смарт-контрактов стоит начать с определения их понятия и сущности. Одна из ключевых сложностей в понимании смарт-контрактов заключается в том, что сам рассматриваемый термин используется для обозначения двух различных моделей[13, 12]. В соответствии с первой из них, смарт-контракты заключаются и исполняются без составления каких-либо текстовых договоров. Такой тип смарт-контрактов можно обозначить как «исключительно программные смарт-контракты» (code-only smart contracts). В рамках данной модели смарт-контракт можно определить как соглашение, условия которого прописаны исключительно в программном коде, автоматически исполняющееся с помощью технологии блокчейн[7]. В свою очередь, в рамках данной модели можно выделить два типа смарт-контрактов. Согласно первому типу «исключительно программных смарт-контрактов» программный код заменяет собой все положения, написанные на естественном языке. То есть программный код полностью включает в себя весь договор. Соответственно все, что находится за пределами программного кода, не имеет юридической силы и предназначено исключительно для объяснения терминов[15, 20-30]. Второй же тип «исключительно программных

смарт-контрактов» предполагает, что программный код составляет лишь неотъемлемую часть договора на естественном языке, при этом код в данном случае также имеет преимущество над любыми положениями, написанные на естественном языке.

В рамках описанной выше модели смарт-контракт по своей правовой природе является, в сущности, полноценным договором[8; 5]. Стоит отметить, что упомянутый выше законопроект "О цифровых финансовых активах" рассматривает смарт-контракты именно в таком ключе. Так, согласно статье 2 законопроекта «смарт-контракт - договор в электронной форме, исполнение прав и обязательств по которому осуществляется путем совершения в автоматическом порядке цифровых транзакций в распределенном реестре цифровых транзакций в строго определенной таким договором последовательности и при наступлении определенных им обстоятельств».

Согласно же второму подходу, смарт-контракты заключаются во исполнение конкретных положений традиционного контракта на естественном языке при условии наличия ссылки в таком договоре на исполнение таких положений посредством смарт-контрактов. Данный тип можно назвать «вспомогательные смарт-контракты» (ancillary smart contracts)[14]. В данном случае сам программный код не образует всей юридической договоренности сторон, а просто автоматизирует исполнение некоторых условий договора, составленного на естественном языке. Так, программа использует логические операторы «если, то», с помощью которых она определяет, выполнены ли условия, прописанные в договоре на естественном языке, и, в случае, их выполнения, автоматически исполняет поставленные задачи. Программный код в рамках рассматриваемого подхода представляет собой, в сущности, простой перевод договора на естественном языке. Вследствие этого, текст договора на естественном языке будет преобладать над программным кодом[10, 16-17]. Стоит отметить, что при использовании рассматриваемой модели сторонам следует четко указать, что правоотношения должны регулироваться версией договора на естественном языке, а не программным кодом, чтобы в случае возникновения спора у суда не появились сомнения относительно действительного намерения сторон.

В рамках рассмотренной выше модели смарт-контракт по своей правовой природе уже не является договором, а представляет собой некий способ исполнения обязательства. Интерес представляет тот факт, что данный подход поддержан в Федеральном законе "О внесении изменений в части первую, вторую и статью 1124 части третьей Гражданского кодекса Российской Федерации" от 18.03.2019 N 34-ФЗ, который предлагает дополнить статью 309 абзацем вторым следующего содержания: «Условиями сделки может быть предусмотрено исполнение возникающих из нее обязательств при наступлении определенных обстоятельств без направленного на исполнение обязательства отдельно выраженного волеизъявления его сторон путем применения информационных технологий, определенных условиями сделки[2]». Таким образом, можно заметить расхождение в подходах, предлагаемых данным законопроектом, и законопроектом "О цифровых финансовых активах", где смарт-контракт понимается как полноценный договор. Сейчас сложно сказать, является ли это следствием какой-либо концептуальной задумки законодателя, либо результатом простой несогласованности их разработчиков. Мы полагаем, что судить о том, какая модель смарт-контрактов возьмет вверх в российском законодательстве можно будет только после принятия данных законопроектов. В отсутствие же действующего нормативного регулирования мы полагаем целесообразным продолжить анализ смарт-контрактов на основе современного законодательства.

На наш взгляд, для целей настоящего исследования, необходимо сосредоточить внимание именно на первой модели смарт-контрактов, согласно которой они представляют собой полноценные договоры в гражданско-правовом смысле. В первую очередь, стоит отметить, что в доктрине выделяют два ключевых элемента смарт-контрактов как правовых договоров[13, 6].

Первый элемент смарт-контрактов заключается в способности программного обеспечения автоматически и безостановочно выполнять транзакции без вмешательства человека[14]. Стоит отметить, что само слово «smart» (англ. «умный») в названии смарт-контрактов относится к характеристике автоматизированности[12]. В частности, автоматизации подвергается процесс заключения и исполнения смарт-контрактов. Несмотря на то, что данное свойство смарт-контрактов во многом упрощает процесс проведения транзакций и снижает издержки на них, оно в то же время представляет собой одну из самых серьезных проблем на пути их широкого распространения. Это связано с тем, что автоматизированность исключает ту гибкость, которая необходима для нормального ведения деловых отношений. Так, к примеру, при нарушении традиционного договора

на естественном языке стороны могут не применять предусмотренные в нем санкции, в случае, когда сохранение долгосрочных коммерческих отношений для них важнее, чем привлечение к ответственности. Кроме того, в некоторых случаях при регулировании отношений сторон традиционным договором стороны могут принять от контрагента частичное исполнение, что также обуславливается взаимной заинтересованностью сторон в продолжении отношений[11]. Когда же речь идет о смарт-контрактах, такая возможность избрания более гибкого подхода отсутствует. В связи с этим можно сделать вывод, что автоматизированное исполнение, обеспечиваемое смарт-контрактами, не во всех случаях соответствует потребностям участников гражданского оборота.

Второй элемент смарт-контракта как договора заключается в возможности его принудительного исполнения[11]. Как любой договор смарт-контракт должен признаваться судом в качестве юридически обязательного соглашения и, соответственно, обеспечиваться судебной защитой в случае ненадлежащего исполнения. Для этого необходимо определить, являются ли с точки зрения действующего права такие контракты заключенными. Так, согласно п. 1 ст. 432 ГК РФ договор считается заключенным, если между сторонами, в требуемой в подлежащих случаях форме, достигнуто соглашение по всем существенным условиям договора. Проблема заключается в том, что условия смарт-контрактов написаны не на естественном языке, а на языке программирования, в связи с чем возникает вопрос о принципиальной возможности составления договора на языке программирования. Мы полагаем, что действующее российское законодательство не устанавливает запрета на использование языка программирования при заключении договоров. Так, согласно п. 2 ст. 22 Закона РФ от 25.10.1991 N 1807-1 "О языках народов Российской Федерации" делопроизводство в сфере обслуживания и коммерческой деятельности ведется на государственном языке Российской Федерации *и иных языках* (курсив мой - Ю.А.А.), предусмотренных договорами между деловыми партнерами. Соответственно, законодательство допускает использование иного языка (помимо русского как государственного) для ведения коммерческой деятельности. Так как в указанном положении отсутствует указание на то, что понятие «иные языки» включает в себя исключительно естественные языки, можно сделать вывод, что язык программирования также может быть выбран сторонами договора. Таким образом, из вышесказанного следует, что смарт-контракты по действующему российскому праву должны признаваться в качестве договоров в гражданско-правовом смысле и, следовательно, должны обеспечиваться судебной защитой в случае их неисполнения или ненадлежащего исполнения.

Еще одна проблема, связанная с правовым регулированием смарт-контрактов, может возникнуть при нарушении сторонами его условий. Несмотря на то, что некоторые авторы полагают, что условия смарт-контракта нарушить невозможно в силу автоматизированности его исполнения[5], мы считаем, что данный тезис, по крайней мере, спорен. На наш взгляд, указанная позиция не учитывает того, что сторонами смарт-контракта в любом случае являются не механические программы, а люди, которые могут иметь различное понимание и толкование определенных обстоятельств[12]. В связи с этим велика вероятность появления споров относительно вопросов, касающихся намерений сторон. Стоит отметить, что некоторые авторы считают, что в случае со смарт-контрактами коллизия между волей и волеизъявлением невозможна так как, по их мнению, значение имеет лишь волеизъявление, выраженное в программном коде[6].

Кроме того, споры также могут возникнуть из-за ошибок в программе или проблем, связанных с работой самой платформы, на которой был заключен смарт-контракт. Таким образом, можно сделать вывод, что смарт-контракты, несмотря на то, что они действительно в меньшей мере подвергнуты риску неисполнения или ненадлежащего исполнения, все-таки могут быть нарушены.

В данной связи, на наш взгляд, неудачной является формулировка абз. 2 ст. 309, предложенная в упомянутом нами выше законопроекте о внесении изменений в Гражданский кодекс Российской Федерации, в соответствии с которой «оспаривание состоявшегося исполнения автоматизированно исполненных обязательств (т.е. смарт-контрактов) допускается исключительно в случаях, когда доказано вмешательство сторон сделки или третьих лиц в процесс исполнения». Основываясь на разъяснении, данном в пояснительной записке к законопроекту, можно сделать вывод, что его авторы придерживаются позиции принципиальной невозможности ненадлежащего исполнения смарт-контрактов. Мы полагаем, что указанным выше причинам такое решение законодателя является неоправданным и, в сущности, ограничивает право сторон смарт-контрактов на судебную защиту.

Следующий проблемный вопрос касается способов разрешения споров между сторонами

смарт-контракта. Мы полагаем, что традиционные механизмы урегулирования конфликтов, то есть переговоры, претензионный порядок, альтернативные способы разрешения споров и судебное разбирательство, применимы и к смарт-контрактам. Тем не менее, на наш взгляд, в отсутствие сегодня какого-либо правового регулирования смарт-контрактов и при неимении, по общему правилу, у судей требуемых знаний в области технологии блокчейн, урегулирование споров посредством судебного разбирательства является не всегда достаточно эффективным.

Авторы работ, посвященных смарт-контрактам[12], предлагают сторонам различные механизмы для разрешения конфликтов между ними. Так, в частности, сторонам рекомендуется включение автоматических механизмов управления и принуждения, чтобы ограничить случаи, при которых возникнет необходимость обращения в государственный суд. Одним из примеров таких механизмов является возможность прекращения автоматического исполнения смарт-контракта в случае возникновения спора. В качестве второго примера можно привести депонирование сторонами суммы, в рамках которой они готовы нести ответственность. При использовании такого механизма в случае возникновения обстоятельств, свидетельствующих о нарушении условий смарт-контракта, данная сумма будет перечислена той стороне, которая указана как получатель средств в подобном случае[8].

Кроме того, в будущем стороны смарт-контрактов также смогут предусмотреть в договоре, что урегулирование возникающих между ними споров по поводу смарт-контракта будет происходить на специальных онлайн-платформах. Так, по задумке, контрагенты смогут выбрать зарегистрированную на такой платформе арбитражную компанию[9], после чего передать в её распоряжение либо непосредственно сами активы и денежные средства, или же возможность доступа к ним[8]. Возникающие между сторонами конфликты будут рассматриваться в режиме онлайн случайно выбранными судьями из числа сотрудников арбитражной компании. Вынесенное ими решение будет автоматически исполняться сразу после его публикации.

Тем не менее, несмотря на то, что описанные выше специфичные механизмы разрешения споров между сторонами смарт-контрактов определенно имеют ряд преимуществ, мы полагаем, что они не смогут полностью заменить традиционные способы разрешения споров[12]. Так, необходимость в судебном разбирательстве возникает, к примеру, в случаях, когда необходимо изменить условия смарт-контракта. Это связано с тем, что в смарт-контракты после их заключения невозможно внести коррективы, их можно лишь изначально запрограммировать таким образом, чтобы они предполагали множество различных вариантов исполнения[8]. Если в традиционном договоре стороны могут в любой момент при достижении согласия внести изменения в свое соглашение, смарт-контракты сегодня не способны обеспечить подобную гибкость. Это связано с неизменяемостью блокчейна, из-за которой внесение поправок в смарт-контракт является более сложным, чем изменение стандартного программного кода, который не находится в блокчейне. В результате этого внесение изменений в смарт-контракт может привести к более высоким издержкам, чем изменение традиционного договора. В данной связи, в случае возникновения каких-либо ошибок или недопонимания на стадии заключения договора, сторонам придется обращаться к традиционным способам разрешения споров.

Таким образом, в рамках настоящего исследования нами были сделаны следующие основные выводы.

Во-первых, термин «смарт-контракт» может использоваться как для обозначения самостоятельного гражданско-правового договора, так и способа исполнения обязательств.

Во-вторых, смарт-контракты по действующему российскому праву должны признаваться в качестве договоров в гражданско-правовом смысле и, следовательно, должны обеспечиваться судебной защитой в случае их неисполнения или ненадлежащего исполнения.

В-третьих, смарт-контракты, несмотря на то, что они в меньшей мере подвергнуты риску неисполнения или ненадлежащего исполнения, могут быть нарушены.

В-четвертых, несмотря на наличие специфичных механизмов разрешения споров между сторонами смарт-контрактов, традиционные способы разрешения споров продолжают иметь огромное значение при урегулировании конфликтов.

В заключении, можно сделать вывод, что на сегодняшний день существует множество проблемных вопросов, связанных с заключением и исполнением смарт-контрактов, требующих разрешения.

Библиографический список:*Нормативные правовые акты*

1. Проект Федерального закона N 419059-7 "О цифровых финансовых активах" (ред., принятая ГД ФС РФ в I чтении 22.05.2018);
2. Федеральный закон "О внесении изменений в часть первую, вторую и статью 1124 части третьей Гражданского кодекса Российской Федерации" от 18.03.2019 N 34-ФЗ Regulation (EC) No 593/2008) of the European Parliament and of the Council of 17 June 2008 on the law applicable to contractual obligations

Научная литература и статьи

3. Новоселова Л. «Токенизация» объектов гражданского права //Хозяйство и право. 2017. №12;
4. Новости криптовалютной экономики. https://happycoin.club/italiya-prinyala-zakon-o-blokcheyne-i-smart-kontraktah/?utm_source=ip_club%2C+vkontakte&utm_term=ip%2Bclub&utm_campaign=IP_CLUB ;
5. Савельев А.И. Договорное право 2.0: "умные контракты как начало конца классического договорного права» // Вестник гражданского права. 2016. №3;
6. Савельев А.И. Некоторые правовые аспекты использования смарт-контрактов и блокчейн-технологий по российскому праву // Закон. 2017. №5;
7. Федотов, ВаFin, Blockchain-Technologie.
8. Юрасов М.Ю., Поздняков Д.А. Смарт-контракт и перспективы его правового регулирования в эпоху технологии блокчейн // <https://zakon.ru/blog/2017/10/9/smart>;
9. Lex Cryptographia// 2013. URL.: <http://bitcoinism.blogspot.ru/2013/12/lex-cryptographia.html>;
10. SDA & Linklaters supra note 44 at 16-17. ;
11. Smart Contract Templates: foundations, design landscape and research directions”, Dr. C. Clack, V. Bakshi, Dr. Lee Braine (4 Aug 2016), available at <https://arxiv.org/pdf/1608.00771.pdf> v3 [cs.CY] 15 Mar 2017. ;
12. Smart Contracts Alliance. Smart contract: Is the law ready? <https://www.dlapiper.com/~media/files/people/tank-margo/smart-contracts-is-the-law-ready-web.pdf?la=en&hash=003897A104F6A74DD9FC1C2E0FE2A4F16ADE500F> ;
13. Smart contracts: Legal framework and proposed guidelines for lawmakers. <https://talkingtech.cliffordchance.com/en/emerging-technologies/smart-contracts/smart-contracts--legal-framework-and-proposed-guidelines-for-law.html>;
14. Stuart D. Levi and Alex B. Lipton, Skadden, Arps, Slate, Meagher & Flom LLP. An Introduction to Smart Contracts and Their Potential and Inherent Limitations. 2018.<https://corpgov.law.harvard.edu/2018/05/26/an-introduction-to-smart-contracts-and-their-potential-and-inherent-limitations/>;
15. Werbach & Cornell, supra note 4 at 16. See also Id. at 20-30.

Магомедов Мурад Райзулахович
Magomedov Murad Raizulahovich

Студент Югорского государственного университета, юридического института.
Кафедра: Правоохранительная деятельность и адвокатура

УДК 347.963

**ПРАВОВАЯ ПРИРОДА ДЕЯТЕЛЬНОСТИ СУДЕБНЫХ ПРИСТАВОВ ИСПОЛНИТЕЛЕЙ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ**

**THE LEGAL NATURE OF THE ACTIVITIES OF THE COURT PENITS OF THE PERFORMERS
OF THE RUSSIAN FEDERATION AT THE PRESENT STAGE**

Аннотация. В данной статье раскрываются этапы развития службы судебных приставов, дается правовая основа деятельности судебных приставов-исполнителей, рассмотрен правовой статус службы и основные полномочия судебных приставов Российской Федерации, анализируются определенные нерешенные проблемы в организации деятельности Службы судебных приставов, а также существенные пробелы в законодательстве, регулирующем деятельность данного органа. Предлагаются пути решения правовых, кадровых, материально-технических проблем в службе судебных приставов

Annotation. This article describes the stages of development of the bailiff service, gives the legal basis for the activities of bailiffs, considers the legal status of the service and the main powers of bailiffs of the Russian Federation, analyzes certain unresolved problems in the organization of the bailiff Service, as well as significant gaps in the legislation governing the activities of this body. The ways of solving legal, personnel, material and technical problems in the bailiff service are proposed

Ключевые слова: служба судебных приставов; судебные приставы-исполнители, законодательство; группа проблем; перспективы развития, взыскания, задачи, классификация задач.

Key words: bailiffs; bailiffs implementing legislation; group problems; prospects for the development, execution, task, classification task.

На современном этапе развития наше государство все больше нуждается в слаженном механизме принудительного исполнения судебных актов, актов других органов и должностных лиц. Ведь данная задача в первую очередь направлена на защиту прав и законных интересов граждан. В нашей стране эту функцию реализует Федеральная служба судебных приставов.

Федеральная служба судебных приставов (далее - ФССП) является федеральным органом исполнительной власти и осуществляет функции по обеспечению установленного порядка деятельности судов, исполнению судебных актов, актов других органов и должностных лиц, а также правоприменительные функции и функции по контролю и надзору в установленной сфере деятельности.

Федеральная служба судебных приставов, как орган исполнительной власти, осуществляет реализацию решений соответствующих инстанций, выдавших исполнительный документ. Помимо того, существует много других функций, которые характерны для ФССП России.

Деятельность ФССП основывается: Конституцией РФ, Федеральным конституционным законодательством от 31.12.1996 №1-ФКЗ «О судебной системе», Федеральным законодательством от 02.10.2007 № 229-ФЗ «Об исполнительном производстве», и другими нормативно-правовыми актами: Указом Президента РФ от 13.10.2004 №1316 «Вопросы Федеральной службы судебных приставов».

Система ФССП на сегодняшний день разработана достаточно удачно: она позволяет органу и его представителям эффективно реализовывать все поставленные перед ними задачи.

Структура представляет собой иерархичную конструкцию:

1. Центральный аппарат - главное координационное звено. В его систему входят обособленные управления специального назначения.

2. Территориальные органы - представительства службы на местах. Примером является УФССП по Москве, а также органы в иных субъектах Федерации. Они осуществляют свою деятельность непосредственно на подведомственной территории.

Правовой статус деятельности службы судебных приставов закреплён в Федеральном законе

от 21.07.1997 N 118-ФЗ «О судебных приставах» а также в Федеральном законе «Об исполнительном производстве» от 02.10.2007 № 229-ФЗ [1] (далее - Закон № 229-ФЗ).

Основная деятельность судебных приставов направлена на правильное и своевременное исполнение требований исполнительных документов. Смысл этой деятельности базируется на двух целях:

- во-первых, защита каких-либо правомочий, свобод, а равно и правовых интересов граждан и организаций РФ;

- во-вторых, обеспечение осуществления обязательств, которые возникают из международных договоров РФ.

В свою очередь, на службу ФССП возлагается выполнение таких ответственных задач, как гарантирование нормальной деятельности судов РФ, осуществление требований актов судов, равно как и других органов, принудительно, а также исполнение отдельных норм законодательства, касающихся вопросов уголовного судопроизводства.

Должностные лица УФССП подразделяются на 2 группы в зависимости от выполняемых ими функций:

- судебные приставы, которые обеспечивают установленный порядок деятельности и функционирования судов, судебных заседаний;

- судебные приставы-исполнители, которые уполномочены осуществлять исполнение решений суда и других органов и должностных лиц, правомочных выносить исполнительные документы.

В целях реализации возложенных полномочий УФССП обладают законными основаниями для применения физической силы, например, для обеспечения порядка в зале судебного заседания.

По гражданскому судопроизводству, после вступления решения суда в законную силу исполнительный документ выдается истцу либо напрямую в Отдел УФССП.

В свою очередь истец направляет исполнительный документ вместе с заявлением также в Отдел ФССП. После возбуждения исполнительного производства истцу присваивается статус взыскателя, а ответчику - должника.

Исполнительные листы предъявляются в Отдел ФССП по месту проживания, пребывания именно должника. Там в зависимости от территориальной принадлежности лист закрепляет за собой судебный пристав-исполнитель. Впрочем, это не значит, что ФССП могут применять любые средства по «выбиванию» долгов. Их деятельность осуществляется в соответствии с действующим законодательством РФ.

В качестве задач ФССП можно учитывать «цели по защите прав и законных интересов физических лиц, организаций и публичных образований, достижение которых определено видом деятельности» службы и установлено государством.[3].

Задачи службы определены в Положении о ФССП. Документ утвержден Указом президента РФ от 13.10.2004 № 1316. Данный нормативный правовой акт устанавливает что УФССП призвана:

1) обеспечение установленного порядка деятельности Конституционного Суда Российской Федерации, Верховного Суда Российской Федерации, судов общей юрисдикции и арбитражных судов (далее - суды);

2) организация и осуществление принудительного исполнения судебных актов судов общей юрисдикции и арбитражных судов (далее - судебные акты), а также актов других органов, предусмотренных законодательством Российской Федерации об исполнительном производстве (далее - акты других органов);

3) управление территориальными органами ФССП России (далее - территориальные органы);

4) ведение государственного реестра;

5) осуществление федерального государственного контроля (надзора) за деятельностью юридических лиц, осуществляющих деятельность по возврату просроченной задолженности в качестве основного вида деятельности, включенных в государственный реестр. [1].

Принудительное исполнение судебных актов, а также актов других органов власти в Российской Федерации осуществляет служба судебных приставов, а на уровне субъектов-территориальные службы судебных приставов, данное положение закреплено в Федеральном Законе №229-ФЗ «об исполнительном производстве». При этом непосредственное исполнение судебных, а также иных актов законом возложены на судебных приставов-исполнителей, объединенных в районный, межрайонные или соответствующие им согласно административно-территориальному

делению субъектов Российской Федерации подразделения судебных приставов, возлагаемые старшими судебными приставами.[3, с.16]

Новое правовое положение коснулось в основном гос. служащих, которые выполняют охранные функции. Для данной категории сотрудников законом предусмотрена специальная подготовка, после прохождения которой они вправе хранить и носить огнестрельное оружие, а также специальные средства. Также закон предусматривает определенные условия применения огнестрельного оружия, специальных средств и физической силы, помимо вышеперечисленного законом предусмотрены гарантии правовой и социальной защиты сотрудников.

В отношении судебных приставов-исполнителей нововведения коснулась лишь малая доля, так мало положительных сдвигов в условиях их работы, многие подразделения не полностью укомплектованы автотранспортом, надлежащей охраной, в том числе оргтехникой и специальным оборудованием.

Следует отметить, что многие авторы отмечают немало недостатков в правовом статусе судебного пристава-исполнителя, так же цели и задачи по реформированию исполнительного производства, поставленные Федеральными законами, не достигнуты.

Таким образом, подводя итог следует сказать, что законодательно определено: в зависимости от полномочий и исполняемых обязанностей ФССП подразделяются на судебных приставов, которые обеспечивают установленный порядок деятельности судов и судебных приставов - исполнителей, которые приводят в исполнение как судебные акты, так и акты других органов.

Также на уровне законодательства определена одна из основных задач ФССП, которая обуславливается в своевременной и полной, а также правильной организации по исполнению судебных актов и актов других органов, которые имеют право налагать на граждан, организации и бюджеты всех уровней обязательство по передаче другим гражданам, организациям или соответствующему бюджету денежных средств или иного имущества или совершение определенных действий или воздержание от них в их пользу.

Целью исполнения является наиболее полное удовлетворение интересов взыскателя, на основании исполнительного документа, при условии, что права и законные интересы граждан и организаций соблюдаются.

Библиографический список:

1. Федеральный закон от 02.10.2007 N 229-ФЗ (ред. от 27.12.2018) "Об исполнительном производстве" // Собрание законодательства РФ . –2007 . – №42 . – ст.4111; 2018 . – № 51 . – ст.7357.
2. Гуреев В.А. Административная деятельность Федеральной службы судебных приставов в сфере исполнительного производства: автореф. Дис. ... д-ра юрид. наук: 12.00.14 / В.А.Гуреев. – Москва. – 2013. – 185 с.
3. Мельников А. Судебные приставы - исполнительская власть / Российская юстиция. М.:Москва, 2015. № 4. С. 16-18

Научное издание

Коллектив авторов

ISSN 2500-1140